

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л69

Логвин, Янина

Л69 Осколки тебя / Я. Логвин. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 448 с.

ISBN 978-5-17-139569-8 (Логвин: лучшие книги)

ISBN 978-5-17-139568-1 (Хиты сентиментальной прозы)

Когда дружба перерастает в соперничество — приходит время плохих парней. Ник и Картер, лучшие друзья в прошлом, теперь стали врагами. Однажды их ненависть коснется меня, и мир разлетится осколками.

А пока...

Картер Райт за опасной чертой и никому не готов открыть свое сердце. Он тот, от кого я должна держаться подальше — в его синих глазах хватит холода, чтобы об этом предупредить. Но именно прошлое однажды изменит все. Когда он ради меня выберет другую жизнь, а я забуду его так, что смогу полюбить.

Меня зовут Лена Холт, и это моя история.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-17-139569-8 (Логвин: лучшие книги)

ISBN 978-5-17-139568-1 (Хиты сентиментальной прозы)

© Логвин Я., текст

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Кап. Кап. Кап.

Тяжелые капли октябрьского дождя застучали по подоконнику, легли крупными пятнами на асфальтовую дорожку, усыпанную желтыми листьями, и, наконец, с первым порывом ветра ударили в стекло. Заскользили вниз изогнутыми линиями, холодные и отстраненные, все ускоряя и ускоряя свой бег...

Уже через минуту фигуру за окном стало не рассмотреть, остался лишь черный силуэт, но я знала, что это он.

Мое сердце, мой враг и моя любовь.

Сегодня все было иначе. Сегодня мы оба знали — я вспомнила все.

Часть 1

Глава 1

Лена

Первый раз я увидела его, когда отец (тогда я еще думала, что Марк Холт, этот блондин-здоровяк с орлиным носом и хищными серыми глазами — мой отец) вернул нас с матерью из Хьюстона, штат Техас, в родной для него Сэндфилд-Рок.

Мне только что исполнилось одиннадцать, я поступила в среднюю школу и музыкальный класс, и даже обрадовалась, когда однажды после завтрака мама задержала меня на кухне нашей маленькой съемной квартиры и сообщила, что мы возвращаемся домой. По-настоящему домой, туда, где ее ждал муж, а меня — теплый кров и семья.

Всю мою сознательную жизнь мы переезжали с места на место — Орегон, Аризона, Техас. Стоило матери зайти в тупик с работой, или появиться рядом слишком назойливому ухажеру, как она собирала вещи, усаживала меня в машину — наш подержанный «Форд Краун Виктория» с рамным шасси — включала зажигание, выезжала на скоростную магистраль, где выжимала газ до ста миль в час и увозила нас в новый город.

Тогда, сообщив о новости, мама запнулась. В ее тонкой руке был бокал с вином, наверняка с самым дешевым и дрянным, в больших глазах застыло странное выраже-

ние, будто она смотрела сквозь меня в свое прошлое. Но на фоне узкого окна с облупившейся краской белокожая и золотоволосая Адели Мартен, в вишневой шелковой сорочке, оголившей ее красивые плечи, выглядела великолепно. Во всяком случае, для меня.

«Марк так и не женился. Наш брак по-прежнему не распоргнут, так почему бы и не попробовать еще раз. В конце концов, даже зайцу приходит время лечь на спину и сдать-ся на милость охотника, раз уж его лапы оказались недо-статочно быстры и сильны,» — вот что она тогда сказала и улыбнулась:

— Не правда ли, чирок-трескунок¹?

Перелетные птицы — так она нас называла, я кивнула:

— Правда, мам!

Есть люди, которых одиночество закаляет. Обтесывает острыми гранями, дубит характер встречным ветром, заставляя вращаться в общество корнями и становиться силь-нее. Но моя мама была не из таких женщин. Душа Адели Мартен вмещала в себя очень мало прагматизма и много свободы. Не той свободы, которая раскрепощает и берет начало из твердого грунта достатка и благополучия, ина-че она давно бы нашла себе какого-нибудь богача из тех, что всегда крутились поблизости, и зажила припеваючи. А той, что до последнего заставляла ее собирать вещи, пла-тить по счетам и уезжать по автомагистрали в неизвест-ность, которая необходима, как воздух.

В свои одиннадцать лет я уже стала кое-что понимать из взрослой жизни: как матери трудно со всем справиться; как все ниже опускается горизонт ее неба; как все больше тревожит моя тоска по оставленным друзьям и мечта об-рести настоящий дом, в большой гостиной которого обя-зательно будет стоять рояль.

¹ Чирок-трескунок — небольшие перелетные птицы из семейства утиных.

Ну ладно, не рояль (я и сама хихикала над этой мечтой, рассказывая о ней маме), а хотя бы пианино (мой недорогой синтезатор постоянно ломался), иначе как мне учиться играть? А играть я очень хотела.

Думаю, что именно последнее и побудило маму вернуться в Сэндфилд-Рок. В конечном итоге вовсе не к Марку, а в город, в котором она родилась, и где бы он все равно не оставил ее в покое. Сейчас я в этом почти уверена.

А еще в том, что ее первым условием Холту — было условие обеспечить ее девочке сказку. Именно поэтому Марк назвался моим отцом, а я поверила.

Потому что хотела верить.

Марк приехал за нами сам — крупный мужчина в большом, новом фургоне «Крайслер» с хромированными колесами и зубастой решеткой радиатора — такой же основательно-крепкой с виду, как сам хозяин. Войдя в мотель, где мы жили последние две недели, он сначала посмотрел на мать — долгим, изучающим взглядом, а потом взглянул на меня — уже коротко и хмуро. А после молча вынес чемоданы и коробки на парковку — те немногие вещи, которые у нас имелись.

Самое сильное воспоминание того дня — черная лаковая краска, густая и твердая, которой был покрыт его дорогой фургон. Она блестела на солнце, как зеркало, пахла чем-то механическим, и мне вдруг сделалось одновременно горько и весело. Возможно потому, что мы уезжали и продали свой старый, но любимый «Форд», а возможно потому, что я увидела в двери фургона свое кривое отражение и показала ему язык. Чтобы хоть как-то нарушить идеальность покрытия и не заплакать.

Ни единой царапины. Вот что меня тогда поразило.

Позже я узнаю, что в этом будет весь Марк Холт. Все только самое лучшее, и неважно, в какую цену это ему обойдется.

Папа мою выходку заметил, и стало стыдно. Вдруг подумалось: а что, если я ему не понравлюсь?.. Конечно, я его совсем не помнила, но считала себя достаточно взрослой девочкой для таких поступков. А мама... мама улыbnулась. Но так незаметно, что не знай я ее всю жизнь — и не поняла бы.

По дороге в Северную Каролину мы часто останавливались. По просьбе Марка я выходила из фургона: размять ноги и попинать камешки у обочины. И что еще удивительнее — ночевать в гостиницах мне теперь пришлось в отдельной комнате, а не с мамой, как я до этих пор привыкла. Но я не роптала. Мама теперь была не одна, и пусть отец держался со мной отстраненно, хотелось верить, что он не злой. Иначе не покупал бы мне мороженое и шоколадные пончики, ведь так?

Может быть, он еще станет добрым и приветливым, как папа моей подруги Камиллы, которая осталась в Техасе. Надо просто слушаться, не усложнять родителям жизнь, и все будет хорошо!

Скорее всего, я бы еще долго находила оправдания тому, почему отец со мной сух и не приветлив, и почему у нас с ним никак не получается сблизиться, несмотря на то, что я прилежно учусь и не создаю ему проблем. Если бы не его сын Ник — мой старший брат, а точнее, мой сводный старший брат Николас.

От него-то я вскоре после нашего переезда и узнала правду: никакая я не дочь Марку Холту, удочерил он меня исключительно из-за большой любви к моей матери, которая когда-то вскружила его отцу голову, а потом сбежала в Калифорнию с каким-то неудачником — не то гонщиком, не то музыкантом.

Но все это он мне расскажет позже, когда однажды мы останемся с ним в доме вдвоем, и он вволю посмеется над неуклюжим Трескунком — своей сводной сестрой, которую невзлюбит. Ни при отце, ни при моей матери —

о, нет! Никто в Сэндфилд-Роке не посмеет криво взглянуть на Адели Холт. Даже любимый сын Марка Холта и его наследник Николас.

Но я начала свой рассказ совсем не с него, а с Алекса — моего соседа.

Прошло уже несколько дней, как мы переехали из дешевого мотеля в Хьюстоне на улицу Трех кленов — престижный район города с ухоженными домами и зелеными лужайками. У мамы появились красивые платья, а у меня — своя комната с большим окном, кровать с розовым балдахином и настоящий книжный шкаф, в который я поставила любимые книги и учебники.

Меня приняли в среднюю школу Эллисона и сам директор, мистер Гибсон, пообещал поспособствовать тому, чтобы я поступила в музыкальный класс. Все шло почти чудесно, если не считать Ника, который с первого дня изрядно портил мне жизнь. Когда его поведения не замечали родители, корчил неприятные рожицы и презрительно фыркал, натываясь на меня в доме.

Был солнечный апрельский день, мы с мамой час назад вернулись из школы, в которую отнесли документы. Я отпросилась у нее в книжный магазин — он располагался в самом низу улицы, на территории небольшой плазы, между аптекой и банком. Заблудиться казалось невозмож-

но. Мне хотелось купить открытку для своей подруги Камиллы с пометкой штата, написать ей трогательное послание, как это делают в фильмах взрослые, и отправить по настоящей почте, в конверте с марками и отпечатком моих губ — так делали девочки в Техасе, которые считали себя достаточно взрослыми для того, чтобы воспользоваться маминой помадой.

Я помахала маме рукой, выскочила из дверей на улицу и побежала по мощеной аллейке к дороге. Уже спрыгнула на нее, спускающуюся к магазину, когда внезапно остановилась, увидев огромный белый дуб, росший на краю

лужайки у красивого дома напротив. Он притянул мое внимание.

Я заметила его еще из окна своей спальни, а сейчас увидела вблизи и не смогла пройти мимо.

На нем уже начали распускаться листья, но крепкие толстые плети ветвей, раскинувшиеся, словно руки, были еще голыми, и сквозь них проглядывало высокое голубое небо.

С ветки на ветку вдруг перепорхнула птичка с багряноалым оперением — красный кардинал. Мне еще не приходилось их видеть. Зачирикала весело «черек-ток-ток», помахивая яркими крылышками. Говорили, что кардинал прилетает к дому, как вестник счастья, и если поймать его сброшенное перышко и сунуть под подушку, то можно смело загадывать желание.

Желаний у меня было много, хоть отбавляй, а перышка — ни одного! Я вскинула голову и отпрыгнула назад, чтобы хорошенько рассмотреть птичку, когда услышала сзади чей-то громкий, предостерегающий вскрик.

Поздно. Что-то больно боднуло меня в спину, я выставила руки, и упала в траву. Обернувшись, увидела рядом незнакомого темноволосого мальчишку. Он сидел на дороге возле опрокинутого велосипеда и потирал ладонью ушибленное колено. Похоже, ему досталось больше, чем мне.

Мы с удивлением уставились друг на друга.

— Цела? — спросил мальчишка. Я осторожно кивнула:

— Да.

Охнув, легко вскочила на ноги и поспешила ему на помощь. Это я была виновата в нашем падении и надеялась, что он не сильно ушибся.

— Извини, я тебя не увидела! Я не хотела!

Мальчишка помощь принял и вовсе не выглядел обиженным. Встав, отряхнул колени и взглянул с любопытством.

— Привет! Ты кто такая? Откуда здесь взялась?

— А ты? — дети часто, когда растеряны, отвечают вопросом на вопрос, вот и я не стала исключением. А он ответил.

— Я, Алекс Райт, и это мой дом, — указал рукой на большой двухэтажный коттедж. — И раньше я тебя тут не видел. Так кто ты?

Я еще никогда не пожимала руки мальчикам, тем более таким симпатичным — стройным, вихрастым, с красивыми синими глазами. Но этот мальчишка явно не собирался уходить, и я решила попробовать. Протянула руку и улыбнулась:

— Привет, меня зовут Лена Холт, — представилась, как научили родители, и показала рукой за спину: — А живу я вот в этом доме!

Мой дом тоже был ничуть не хуже, чем у него — двухэтажный, белый, с красивыми колоннами у входа. Разве можно его сравнить с нашей квартиркой в Хьюстоне, где была такая крошечная кухонька, что мы с мамой едва помещались в ней вдвоем? Смешно! Поэтому и показала гордо.

Мальчишка по имени Алекс удивился. Распахнул свои синие глаза.

— Так ты и есть та самая дочь мистера Холта, о которой все говорят?

Конечно же, мне было интересно узнать, что обо мне «все говорят» в Сэндфилд-Роке. Я подождала, пока мальчишка поднимет свой велосипед, и спросила: «А что говорят?».

— Ну, разное, — неопределенно пожал он плечами. Вручив мне велосипед, он поднял с асфальта мой рюкзак и помог надеть на плечо. — В основном то, что твой отец сильно постарался, чтобы найти вас с мамой и вернуть домой. Это здорово!

Это прозвучало прежде всего очень мило, и я кивнула: — Еще как!

У меня не было здесь друзей, а Алекс смотрел приветливо, и мне сразу же захотелось ему все рассказать. И про Хьюстон, и про Камиллу, и про то, как здесь все красиво — на улице Трех кленов. Я так еще никогда не жила!

Но сказала совсем другое.

— Знаешь, если бы я была градоначальником, я бы назвала эту улицу — улицей Белого дуба! Это же каждому понятно! Разве могут клены с ним сравниться?

Повернувшись, посмотрела на дерево, из-за которого мы оба упали.

Мы находились на огромном пологом холме, слева, далеко внизу лежало побережье океана, справа, за городом виднелись горы и густой лес. Вдоль улиц росли высокие платаны и клены — уж точно гораздо больше трех!

Алекс тоже вскинул голову. Красная птичка не улетела, она так и порхала в ветках, красиво чирикающая и греясь на солнышке.

— Этому дубу восемьдесят лет. Его посадил еще мой прадедущка, когда уходил на войну, а его жена, наполовину индианка, ждала ребенка. Они очень хотели сына и попросили об этом индейскую богиню плодородия. И посадили это дерево. Понимаешь, прадед мог не вернуться, а дуб символизировал продолжение рода.

— И ты в это веришь?

Алекс пожал плечами.

— Не очень, если вспомнить, что его сын — мой дед, всю жизнь был протестантом, а бабушка тридцать лет проработала диктором на местной радиостанции и, честно говоря, любила сочинять. Она еще и не такие истории рассказывала!

Я с новым интересом посмотрела на мальчишку.

— Но ты вовсе не похож на потомка индейцев, — там, где я в последнее время жила, в Южных штатах, мне не часто приходилось их встречать. Но во внешности Алек-

са я не заметила характерных черт внешности коренного народа.

— Это потому, что моя мама голландка, а папины предки приехали в Америку из Ирландии, — охотно объяснил Алекс. — Но я смуглее тебя.

Это была правда. Хоть волосы у меня были не маминны — золотисто-пшеничные, а темно-русые и немного волнистые, но светлую кожу я унаследовала от нее. Как и цвет глаз — зелено-карий.

Мы внимательно посмотрели друг на друга, словно оценивая, а потом, не сговариваясь, повернули головы к дубу.

— Правда, он ужасен? — сказал это Алекс с восхищением, и я захихикала:

— О, да-а! Он похож на большого страшилу, но только доброго.

— Точно! На Страшилу Рэдди из «Убить пересмешника», которого никто не видел, но все боялись!

— На самом деле он оказался добрым и спас Джима и Джин!

Мальчишка белозубо рассмеялся, и я подхватила его смех. На щеках Алекса показались ямочки, такие симпатичные, что, засмотревшись на них, я затихла.

Он это заметил, и тоже замолчал. Удивился:

— Неужели ты читала роман Харпер Ли? Ты не выглядишь взрослой.

— Нет, что ты! Мне только одиннадцать! Мы будем изучать его в восьмом классе, но я видела фильм!

В нашей жизни с мамой было не так много денег, чтобы покупать платные подписки на телевизионные каналы, особенно когда мы жили в мотелях, поэтому чаще всего мы смотрели бесплатное телевидение: там часто крутили старые фильмы.

Зато мы всегда, когда выпадала такая возможность, ходили с Адели в кино. Наряжались, как нам нравилось, садились на средний ряд, пили колу и ели попкорн. Я обо-

жала такие вечера! На маму всегда смотрели, а она никого не замечала, мы были только вдвоем!

Как-то неожиданно я смутилась. Вздохнув, надела рюкзак на второе плечо и бросила взгляд в сторону плазы.

— Мне нужно в магазин, купить открытку для одной девочки. Там ведь есть открытки?

Алекс с интересом смотрел на меня.

— Если ты спрашиваешь о книжном магазинчике Джонсонов, то там чего только нет — даже перцовые пластыри и костюмы на Хеллоуин! Я покупаю у них комиксы. Мои любимые — «Неуязвимый» и «Черный молот», о таинственном городе Роквуд. Ты читаешь комиксы, Лена? Они клевые!

Я мотнула головой:

— Нет, не читаю.

— А я люблю, хотя мой брат их терпеть не может. Говорит, что они для тупых. Так же, как карусели в парке развлечений и консервы с вареным горохом. Тупее этого — только петь псалмы в церкви, как поет Грегори Батлер. Но что Грегу остается делать, если его отец — священник? — Алекс грустно хмыкнул. — По мне, так у него нет выбора.

А я ахнула.

— Неужели он такой грубиян?! Твой брат?

— Уф! — Алекс, улыбаясь, закатил глаза, и сразу стало все ясно. — Он — мое темное альтер эго! Обратная сторона луны, на которую лучше не заглядывать. Он тот, кто на Хеллоуин всегда выбирает самый жуткий костюм, а доброму волшебнику предпочтет компанию Волан-де-Морта. И это вовсе не мои слова, Лена, а его, хотя я с Картером не согласен!

Что такое «альтер эго» я не поняла, а спросить постеснялась. Мальчишка был постарше и держался уверенно.

— Ну, идем? — Алекс оставил велосипед в траве у дуба и повернулся ко мне. — Провожу тебя к магазину Джонсонов. Если сегодня за кассой будет стоять Рут, ты сама от нее

не отвяжешься. У этой леди дар развязывать людям язык. Она и мертвяка разговорит! И не заметишь, как выдашь ей все свои секреты, а к вечеру о них будет знать вся округа! Не думаю, что вам с мамой это нужно.

— Нет, не нужно! — согласилась я и показала рукой на велосипед: — И что? Ты оставишь его тут просто так?

— Конечно. Здесь все знают, что это мой. Не переживай, пойдем!

Алекс оказался приятным собеседником. Он умел шутить, интересно рассказывал о Сэндфилд-Роке, и уже через пять минут мы оба улыбались, направляясь вниз по улице. Когда подошли к книжному магазинчику, он остановил меня у входа за руку и попросил:

— Лена, а сейчас надуй щеки, и чтобы ни случилось — молчи! Выберешь открытку и покажешь на нее пальцем — поняла? Я умею с этой леди разговаривать!

— Да! — на самом деле, я ничего не поняла, но весело хмыкнула своему новому другу и послушно набрала в рот воздух.

Внутри магазинчика ароматно пахло синтетической хвоей. Он встретил нас звоном дверного колокольчика, уютной тишиной небольшого зала и таким разнообразием товаров, что от удивления я едва не распахнула рот!

Но гораздо больше книг и разных сувениров меня поразили индейские маски и головные уборы — роучи¹, сделанные из щетины и длинных перьев, развешанные под потолком. Ничего себе! Я тут же вскинула голову, их рассматривая.

— Ой, Алекс! Привет! Как поживаешь? Давненько ты к нам не закахивал за новинками!

— Здравствуйте, миссис Джонсон! Лучше всех! Да, две недели уже!

¹ Роуч — индейский головной убор.

Касса и главный прилавок находились слева от входа, и я не сразу заметила молодую, полноватую женщину, темнокожую, с короткой стрижкой и большими серьгами в ушах. Она пила кофе и листала журнал, но увидев нас, отложила последний в сторону и прищурила взгляд.

— А это кто сегодня с тобой? Юная незнакомка? Так, так, мистер Райт, уж не подружку ли ты себе завел? Не рановато ли, ковбой? — высокая и крепкая Рут Джонсон басовито хохотнула, довольная своей шуткой.

— Нет, это моя соседка — Лена Холт. Дочь мистера Марка Холта. Она в городе недавно, и я решил проводить ее в магазин, — охотно ответил Алекс и сам сощурил глаз, улыбаясь женщине: — Но вы уже наверняка о ней слышали? Не так ли, мэм?

Конечно же, Рут слышала. При звуке моего имени она вся обратилась во внимание и распахнула глаза. Когда ты год за годом торчишь в магазине за узкой стойкой, зная в лицо едва ли не всех жителей в городе, не так уж много у тебя развлечений, чтобы пропустить еще одно.

Я стояла за плечом у Алекса и молчала, как он и просил. Темнокожая леди наклонилась вперед и протянула мне руку.

— О-у! Добро пожаловать в Сэндфилд-Рок, детка! Рада с тобой познакомиться!

Я шагнула вперед и пожала ладонь. Промычала воодушевленно: «И я!», но с закрытым ртом вышло странно, и миссис Джонсон вытянула шею.

— Святой Патрик! Алекс, она что же, совсем не говорит? Бедняжка! — огорчилась Рут, с чувством прижав ладонь к внушительной груди, на которой висела нитка бус с кулоном в виде мохнатой кисточки, украшенной разноцветным бисером. — Какая жалость! — охнула. — А я только собралась узнать, как там поживает ее мама и передать Адели привет! Я ведь ее хорошо помню, мы вместе учились в старшей школе. Такая была красotka!

Правда, немного замкнутая, но с ее папашей Чарли — это и не удивительно!

Честно говоря, мама и сейчас была очень красивой женщиной, особенно в новых платьях, которые ей купил папа, но меня учили, что спорить со взрослыми людьми невежливо, а с закрытым ртом еще и невозможно, поэтому я немножко растерялась. А еще потому, что о маминим папаше Чарли никогда не слышала.

— Что вы, мэм! Еще как разговаривает! — заверил хозяйку магазина Алекс. — Болтает так, что у всех уши в трубочку сворачиваются! Мы пока сюда шли, слова не давала вставить!

— Да? А что же сейчас произошло?

— Так это... шмель в рот залетел! — нашелся Алекс и показал женщине половину мизинца. Во-от такой, размером с квотер¹! Она его поймала, а выпустить боится! Слышали бы вы, миссис Джонсон, как он гудел! Как кошмарное существо, пожирающее пространство!

— О, Господи, ребенок! — забеспокоилась Рут и постучала ладонью по столу. — Немедленно выплюни эту дрянь! Слышишь, сейчас же!

В синих глазах Алекса плясало веселье, передаваясь мне, и я решительно замотала головой. Ни за что, мол!

— Вот, видите! — дернул плечом мальчишка. Не выплюнет.

— Но почему?!

— Бизнес, мэм. У меня есть три лишних доллара, а Лене нужна открытка. Мы поспорили, что если она продержит шмеля во рту до тех пор, как вернемся домой — деньги ее!

— Ох, Алекс! — покачала головой женщина. — Ну и выдумщик ты! Думается мне, что это не очень хорошая идея.

¹ **Квотер** — монета в 25 центов. Англ. quarter (аналог в русском — четвертак или полуполтина).